

ГЛАВА 1

ПЕРВЫЕ ВОРОНЦОВЫ-ДАШКОВЫ

Происхождение фамилии Воронцовых-Дашковых известно достаточно хорошо. Свое начало эта фамилия ведет с 1807 г. В том году скончался последний из рода князей Дашковых — Павел Михайлович, сын кн. Михаила-Кондратия Ивановича Дашкова и знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, президента обеих российских Академий, урожденной Воронцовой. Павел Михайлович умер бездетным, и род Дашковых по мужской линии пресекался. Предстояло решить вопрос не только о наследнике, но и о носителе фамилии Дашковых¹.

В конце концов выбор пал на внучатого племянника Екатерины Романовны — Ивана Илларионовича Воронцова, с матерью которого, гр. Ириной Ивановной, урожденной Измайловой, она состояла в родстве и была дружна.

Воронцовы, занимавшие видные государственные посты, в то же время были крупнейшими русскими землевладельцами. Их имения были разбросаны в 16 губерниях и 49 уездах. География их обширна и разнообразна, что сказывалось на экономике вотчин, делало ее многосторонней по своей хозяйственно-экономической направленности².

Промышленные предприятия Воронцовых были также достаточно многочисленны и разнообразны: в них курили вино для продажи и поставки в казну (водочный завод в Муринах Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии, винокуренный завод в Симбирском уезде Симбирской губернии), занимались производством железа и меди (медеплавильные заводы на Урале), организовывали мануфактурные предприятия и др.³

Отец Иллариона Ивановича — Иван Илларионович — получил европейское образование, однако важно отметить также значение и влияние той среды, в которой воспитывался юный граф в России. Родившийся на исходе екатерининской эпохи просвещенного абсолютизма, он оказался «внутри» нее через посредство своей двоюродной бабки Е. Р. Дашковой, которая в буквальном смысле стояла у его купели, ибо она крестила его и всячески привечала. Этому способствовали не только короткие родственные взаимоотношения между Дашковой и Ириной Ивановной, но и личные качества молодого Воронцова.

Девяти лет от роду он оказался в числе первых детей дворян, которые, согласно указу Павла I от 1799 г., были удостоены мальтийского ордена Иоанна Иерусалимского.

Основной сферой деятельности Воронцова-Дашкова стала дипломатическая: он дослужился от юнкера Государственной коллегии иностранных дел (1805) до вице-канцлера (1845). Состоял в российских миссиях: Венской (1810), Лондонской (1812). Уже в 1814 г. он удостоился придворного звания камергера. Ему выпало состоять при

К. Нессельроде на Венском конгрессе 1815 г., а также принимать участие в проходивших в том же году Парижских мирных переговорах.

Начало самостоятельной дипломатической деятельности Воронцова-Дашкова следует отнести к 1821 г., когда он был назначен поверенным в делах во Флоренции. Далее следует служба в должности посланника в Мюнхене (Бавария) в 1822–1827 гг.

Сложная политическая ситуация в Италии, в том числе в Сардинии, требовала опытного российского представителя, и в 1827 г. Воронцов-Дашков был направлен к Туринскому двору (до 1831 г.)⁴.

В Неаполе, во время пребывания М. И. Глинки в Италии, Воронцов-Дашков встречался с ним; в память об этом Глинка посвятил «русскому посланнику его превосходительству графу Воронцову-Дашкову» одну из своих фортепианных вариаций («Киа-Кинг»).

Молодость первого Воронцова-Дашкова пришлась на александровскую эпоху, и он не мог оставаться в стороне от общественно-политических настроений того времени. Известно, что он принимал участие в попытках своего троюродного брата Михаила Семеновича создать общество по освобождению крестьян. Он поставил свою подпись под декларацией, которая была составлена М. С. Воронцовым от имени всех участников этого дела для представления Александру I. Как отмечал Н. И. Тургенев, подписавшие были людьми богатыми, владевшими все вместе более чем 100 000 крепостных, готовыми дать им волю⁵. Воронцова-Дашкова увлекали идеи масонства, и он вступил в распространенную среди дворянской элиты масонскую ложу «Соединенных друзей». В 1813 г. он получил диплом «Светлейшего капитула Феникса». Напомним, что масонами были представители старших Воронцовых — Роман Илларионович и Александр Романович.

Возвратившись в Россию, Воронцов-Дашков становится одной из самых заметных фигур в аристократическом Санкт-Петербурге. В 1831 г. он получает придворный чин обер-церемониймейстера, в 1846 г. вводится в состав Государственного Совета, назначается вице-президентом Капитула российских императорских и царских орденов.

Родственник Воронцовых гр. М. Д. Бутурлин составил весьма любопытный и, судяется, верный портрет Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. «Граф Иван Илларионович, — вспоминает Бутурлин, — не имел, по-видимому, данных, чтобы стать государственным человеком, хотя вовсе не был для того неспособен, и лишь очень поздно <...> попал в члены Государственного Совета. Начало дипломатической его карьеры было блистательно: не было ему (помнится) тридцати лет от роду, когда он был нашим министром при Сардинском дворе, и вскоре после таковым же при Баварском; но тем и окончилась дипломатическая его служба, которая перешла в царедворческую, тогда как, по огромному своему состоянию и вельможным приемам, он мог быть <...> достойнейшим послом при державах первого разряда, тем более что мирное тогдашнее состояние Европы делало дипломатические отношения вовсе налаженными. Он отличался сердечной добротой, натуральностью манер и утонченной учтивостью со своими гостями». Завсегдатаи балов обер-церемониймейстера гр. Воронцова-Дашкова «по улыбающейся фигуре в белом жилете и галстукке называли вечным именинником»⁶.

Чета Воронцовых-Дашковых была известна своей благотворительностью. Они состояли почетными членами Демидовского дома трудящихся, а Иван Илларионович являлся членом благотворительного Общества посещения бедных⁷.

В 1834 г. сорокачетырёхлетний Иван Илларионович женился на юной петербургской красавице Александре Кирилловне Нарышкиной (1818–1856 гг.), что стало событием в аристократических кругах. 30 апреля 1834 г. Пушкин сообщает жене о предстоящей женитьбе Ивана Илларионовича: «Есть еще славная свадьба: Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает»⁸. Пушкин сошелся с Воронцовым-Дашковым и бывал на их знаменитых балах. Их нередко видели прогуливавшимися по Невскому проспекту⁹.

Так в генеалогическое древо Воронцовых-Дашковых вплетается новая ветвь Нарышкиных, как известно, состоявших в родстве с царствующей династией.

Мать Иллариона Ивановича принадлежала к тому типу женщин, которые царили в большом свете в эпоху блистательных салонов, где ценились родовитость, ум, талант и остроумие, формировалось общественное мнение. Они становились музами поэтов, вдохновляли политических деятелей, художники писали их портреты, а современники не переставали вспоминать. Александра Воронцова-Дашкова отличалась остроумием и была склонна к поступкам эпатажного характера, слава о которых немедленно разносилась по столице. Хорошо были известны независимость ее суждений и то достоинство, которое она выказывала по отношению ко двору. Однако, по отзывам людей, ее наблюдавших, «под ее легкомысленностью скрывалось самое сострадательное сердце к нуждающимся, коим она помогала щедрой рукой; этим и другими прекрасными, нравственными сторонами она вполне выкупала женские свои слабости». Рассказывали, вспоминал М. Д. Бутурлин об одном из случаев: «Однажды, когда она одевалась на бал, впущенная к ней в уборную какая-то просительница настолько расстроила графиню, что, не имея на руках суммы, которую она хотела бы дать, Александра Кирилловна поспешно оторвала от своего ожерелья целый бриллиант»¹⁰.

На балах, даваемых четой Воронцовых-Дашковых, могли встречаться члены царской семьи, двор, государственные деятели и опальные поэты. Вот одно из весьма выразительных свидетельств — запись из дневника барона М. А. Корфа, занимавшего тогда пост государственного секретаря (1841 г.): «На вечернем бале Воронцова был большой сюрприз и для публики, и для самих хозяев — именно появление Императрицы, которая во всю нынешнюю зиму не была ни на одном частном бале <...>. Государь приехал вместе с нею. Оба великие князья были вечером и утром». Заметим, что накануне у А. К. Воронцовой-Дашковой давался бал, на котором присутствовало около 600 человек и на который прибыл Николай I, а до того — приехавший в отпуск с Кавказа М. Ю. Лермонтов¹¹.

Ее шумная молва привлекала внимание литераторов. Поэты, вдохновленные ее образом, посвящали ей восторженно-романтические строфы («Как мальчик кудрявый резва, нарядна как бабочка летом...» — Лермонтов), писатели использовали в качестве прототипа своих героинь. Воронцова-Дашкова послужила прототипом одного из персонажей романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», в котором она была выведена в образе княгини Р... В романе нашли отражение некоторые обстоятельства личной жизни Воронцовой-Дашковой, ее отношения с родственником Лермонтова — А. А. Столыпиным (Монго). Впоследствии Н. А. Некрасов посвятил ей свое стихо-

⁸ Между Пушкиным и Воронцовым существовала родственная связь, правда, весьма отдаленная: бабушка поэта Мария Алексеевна (в замужестве Ганнибал) приходилась троюродной сестрой Воронцову Артемию Ивановичу (1748–1813). Последний был приемником при крещении Пушкина.

творение «Княгиня», в котором превратно осветил факты из жизни Воронцовых-Дашковых. Причиной тому, очевидно, послужили слухи о смертельной болезни графини, а также клевета о якобы отравлении ее вторым мужем — доктором, маркизом де Пойли. В данном случае мы имеем дело со стремлением Некрасова дать социологический портрет русской аристократки как типичного образа. В таком же аспекте эти слухи были использованы Ф. М. Достоевским при работе над романом «Подросток». В одном из набросков Воронцова-Дашкова фигурирует в качестве матери героя-ребенка, которая влюбилась перед смертью в некоего князя: «Мать из хорошего, более высшего общества <...>, — читаем ремарку писателя, — вроде графини В-ой-Дашков[ой], вышедшей бы за доктора»¹². А это уже, заметим, 1874 г.

В 1835 г. у Воронцовых-Дашковых родилась дочь. Нарекли ее в честь бабушки Ириной. А в 1837 г., 27 мая, у них родился сын, получивший традиционное для Воронцовых имя Илларион.

Думается, что фамильные традиции рода Воронцовых, являвших собой культурологический феномен высокого порядка, должны были оказать определяющее влияние на формирование юного графа.

Детство его проходило в доме на Дворцовой набережной и на каменноостровской даче, принадлежавшей его бабушке по отцовской линии — Ирине Ивановне. Воронцов-Дашков был воспитан в традициях уклада жизни того круга, к которому принадлежали его родители. Многое запечатлелось в его памяти, о чем он впоследствии вспоминал, и это позволяет нам судить о каких-то чертах их семейного уклада.

В доме Воронцовых-Дашковых не могли не произноситься имена Ломоносова, Радищева или Вольтера, с которыми были связаны представители старших поколений Воронцовых. В семье культивировалось поклонение Пушкину, и в сложных жизненных коллизиях поэта они держали его сторону. Особенно этим отличалась бабка Иллариона Ивановича по материнской линии М. Я. Нарышкина. Александра Кирилловна нередко вспоминала эпизод о встрече с Пушкиным, едущим на дуэль¹³. Быть может, отсюда — фраза из ученического сочинения Иллариона «О Пугачевском бунте Пушкина»: «Одно из лучших наших исторических сочинений, это Пугачевский бунт Пушкина». Его ученические сочинения выявляют склонность к самостоятельности и независимости суждений.

Свою работу о Фонвизине автор предваряет следующими словами: «Есть ли у нас театр? На этот вопрос можно ответить, что у нас когда-то был театр, что теперь у нас почти все театральные сочинения так ничтожны, что и не стоит об этом говорить». Весь последующий анализ современной комедии склоняет юного автора к мысли о том, что лучшие русские комедии были написаны в XVIII в. (из сумароковских — «Опекун» и «Трессотиниум», «очень занимательные комедии» «Хвастун» и «Чудаки» Княжнина, некоторые из комедий Клушина) и он жалеет, что «комедии наших главных писателей пришли в забвение». Пытаясь определить причину снижения уровня комедий, он пишет: «Теперь у нас нет комедии, если комедию считать зеркалом нравов. В наших комедиях нет ничего оригинального: она пустой разговор, лишенный остроумия французских, которым подражали. Не должно ли искать причину этого в самом характере народа, а не только в том, что у нас еще не родилось великого комика, который бы создал комедию истинно русскую?»¹⁴.

В 18 лет юный граф поступил в Московский университет, но неожиданно прервал свое обучение и вступил в ряды русской армии. Официальные биографы Воронцова-

Дашкова писали, что поступление его вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк произошло в пору увлечения его военной службой в разгар Крымской войны¹⁵.

В 1858 г. он был произведен в корнеты, но уже на следующий год, неудовлетворенный жизнью в столичном гарнизоне, подал ходатайство о переводе его на Кавказ и вскоре туда уехал.

Именно 1859 годом датируется начало первого этапа служебной деятельности Воронцова-Дашкова, квалифицируемой как военной. Ибо до назначения его на первую административную должность его гражданской службы — министром императорского двора и уделов в 1881 г. — главным направлением его деятельности была военная служба.

1. Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. М., 1897. № 2. С. 231.
2. *Индова Е. И.* Крестьянство центрально-промышленных вотчин Воронцовых в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 176–177, 179–180; *Карнович Е. П.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874. С. 257.
3. *Джинчарадзе В. З., Останкович Ф. А.* Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА // Исторические записки. Т. 37. С. 267–268, 279.
4. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 94. Л. 74–86. Формулярный список о службе члена Государственного Совета действительного тайного советника, обер-церемониймейстера, графа Воронцова-Дашкова.
5. *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1907. Т. 2. С. 126.
6. Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 11. С. 402; *Колмаков Н. М.* Очерки и воспоминания с 1816 года // Русская старина. 1891. Т. 6. С. 670.
7. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. СПб., 1853. Ч. 1. С. 312, 316.
8. Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 11. С. 402.
9. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1951. Т. X. С. 479.
10. Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. Кн. 3. № 11. С. 400–401. В столь же восторженных тонах о ней вспоминал А. В. Мещерский — см.: *Мещерский А. В.* Из моей старины. Воспоминания // Русский архив. 1901. № 1. С. 106.
11. *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964. С. 106. Хорошо известен эпизод, связанный с приглашением Лермонтова на один из балов Воронцовых-Дашковых во время посещения его членами царской семьи. Его появление на балу нашли «неприличным и дерзким». Воронцова-Дашкова вынуждена была вывести поэта из зала через внутренние покои. Военное начальство и А. Х. Бенкендорф негодовали, но поскольку великий князь Михаил Павлович промолчал по просьбе самой Воронцовой-Дашковой, то было неудобно привлекать Лермонтова к ответственности за посещение бала в частном доме. Однако, в конце концов ему было приказано немедленно покинуть Петербург и вернуться на Кавказ. Он писал в те дни своему приятелю Д. С. Бибикову на Кавказ: «Скоро я еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким» (*Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 4-х т. М.; Л., 1948. Т. 4. С. 448–449, 511).
12. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. М.; Л., 1976. Т. 16. С. 9.
13. *Лонгинов М. Н.* Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина // *Цявловский М. А.* Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 356–357.
14. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2. Т. II. Л. 9, 41, 71, 84 об.; Д. 15. Л. 4.
15. Современники. Альбом биографий Н. И. Афанасьева. [СПб.], 1910. Т. 2. С. 100.